

Носорева Наталия Геннадьевна

ДЕФИНИЦИЯ КАТЕГОРИИ "ЗНАНИЕ" В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/2/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (45). С. 33-36. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Тем не менее, сам институт конституционного контроля вовсе не является идеальным. В деятельности Конституционного Суда нередко, проявляют себя и элементы определенного субъективизма, когда решение явно принимаются лишь в интересах одной из сторон, либо, когда решение выражает не столько реальные интересы государства и личности (в балансе их проявления), сколько субъективные теоретические позиции большинства судей. Мнение о том, что Суд не всегда прав в истинности принимаемых им решений, все чаще становится предметом обсуждения на страницах юридической литературы. Е. А. Лукьянова, к примеру, убедительно доказала несостоятельность ряда решений Суда, вынесенных по вопросам конституционного права.

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ формулирует вывод о том, что, если судебное решение не может быть пересмотрено в порядке надзора, оно может (и должно) пересматриваться в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам, так как, следуя логике рассуждений Суда, эти порядки, фактически, идентичны. Тем временем, о недопустимости подмены надзорного производства и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам неоднократно указывалось и в постановлениях Пленума Верховного Суда. В п. 20 постановления № 2 от 5 апреля 1985 года Пленум однозначно указал, что пересмотр судебного решения в порядке надзора допускается лишь при наличии оснований, вытекающих из материалов дела. Если же сомнения в законности и обоснованности приговора связаны с обстоятельствами, которые не были известны суду и обнаружены после вступления приговора в законную силу, вопрос о пересмотре такого решения может быть разрешен только в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Данный порядок имеет в качестве одной из своих целей недопущение произвола со стороны судебной власти и защиту прав граждан, в том числе конституционных [Там же, с. 133].

Тем не менее, именно конституционный контроль остается одним из эффективнейших средств защиты прав человека и гражданина, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Конституционный контроль - довольно молодой в нашей стране. Он продолжает развиваться и совершенствоваться, что дает основания надеяться на устранение в будущем всех имеющихся сегодня недостатков деятельности Конституционного Суда РФ.

Список литературы

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.
2. Сидоров В. И. Специализированный конституционный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 219 с.
3. Собрание Законодательства РФ. 1998. № 12.
4. Указ. соч. № 28.
5. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: учебник. М.: Группа «Норма-Инфра-М», 1999. 312 с.

УДК 165.0

Наталья Геннадьевна Носорева

Педагогический институт Южного федерального университета

ДЕФИНИЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЗНАНИЕ» В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ[©]

Во все времена рационализм пытался решить вопрос: как знание, полученное в процессе познавательной деятельности человека, приобретает объективный, всеобщий и необходимый характер. Рационализм утверждал, что научное знание достижимо посредством разума, который выступает его источником и вместе с тем критерием истинности.

Но в связи с современным уточнением понимания рациональности как *ratio*, разумности, выяснилось, что существуют рассудочная рациональность и разумная рациональность. Одна жестко следует нормам, правилам, критериям, определениям, другая подвергая критическому анализу основания всех правил, критериев и определений, а также, опираясь не только на логику, но и на творческие, интуитивные предпосылки, позволяет создавать новые понятия, определения, нормы и критерии [6]. Само собой напрашивается предложение о том, что категория «знание» во времени также не статично. Проверим его, заглянув в историю становления теории познания.

Знание лежит в основе многих областей человеческой деятельности. В европейской культуре это понятие ведет свое начало из древнегреческой философии, существует тысячелетия и вместе с тем не имеет однозначного, точного определения, продолжая оставаться предметом обсуждения и дискуссий [Там же].

Первоначально в качестве общей для всех форм знания выступала мифология [2, с. 10]. Но когда в общественной жизни и в общественном сознании начали нарождаться серьезные противоречия и конфликты, которые не поддавались разрешению с помощью традиционных убеждений и верований, связанных с греческой мифологией, возникла потребность различения того, что общепринято (мнение), и того, что истинно на самом деле (знание).

В моменты кризиса традиционного уклада жизни и традиционных ценностей, когда традиционно-мифологические представления перестают выполнять свою мировоззренческую функцию, требуются инновационные подходы к решению таких задач. На впервые остро встающий вопрос: «как быть дальше», отвечает философия. Она предлагает человеку новый тип самоопределения: не через привычку и традицию, а через собственный разум. При этом философия, ради получения нового знания либо разрушает культурные традиции, либо стремится обновить традиционные нормы, дав им новое обоснование. Инновационным в греческом мировоззрении становится понимание необходимости критики традиций и одновременно попытки найти фундамент, на котором можно было бы возвести новое здание, новый тип культуры. Новое знание (теоретическое) позволяет разрешить мировоззренческий кризис [Там же, с. 3-4].

Следующим инновационным этапом в становлении знания становится переход от знания, обремененного чувственными образами, к знанию, оперирующему понятиями, ознаменовавший процесс освобождения ранних натурфилософов от метафоричности мышления. Выстраиваются всевозможные теоретические системы знаний, например математика, в основе которой лежит дедуктивный метод и система доказательств. Уже у ранних пифагорейцев, т.е. на первых этапах становления греческой математики, обнаруживаются такие особенности, как новое понимание смысла и цели математического знания, в отличие от египтян или вавилонян. Надеясь понять сущность мироздания, возникает первая в истории попытка осмыслить число как мироздающий и смыслообразующий элемент. Пифагорейцы впервые приходят к убеждению, что «книга природы написана на языке математики», как спустя почти два тысячелетия выражает эту мысль Галилей. То, что у вавилонян и египтян выступало всего лишь как средство, пифагорейцы превратили в специальный предмет исследования, т.е. в цель последнего [Там же, с. 14]. Со временем, как предполагает П. П. Гайденок, в силу того, что осмысление природы числа и числовых отношений у пифагорейцев происходило порознь, менялись и развивались представления о методах математики и науки в целом.

Исторически научное знание вступало в самые различные отношения с разнообразными формами сознания: религиозной, мифологической, художественной. Например, математика превратилась в теоретическую науку только благодаря тому факту, что «математические исследования из сферы практически-прикладной переместились в сферу философско-теоретическую, еще не отделившуюся от религиозно-мистического восприятия мира». То обстоятельство, что ранние пифагорейцы воспринимали число как начало устройства - и соответственно познания мира, а в исследовании числовых отношений видели такое же средство спасения души, как и в религиозных ритуалах, сыграло важную роль в превращении математики в научную систему знаний, опирающуюся на дедуктивный метод, в науку [Там же, с. 2-14]. Но были и периоды (эпоха Просвещения), для которых было характерным убеждение в том, что наука по своему существу противоположна религии. Это представление отражает тот период в развитии науки, когда ученым приходилось вести борьбу с религией за возможность свободного научного исследования.

Возникновение научного знания, по утверждению Аристотеля, «при всех исследованиях, которые простираются на начала, причины и элементы», происходит в тот момент, когда мы уверены, что знаем вещь, если уяснили ее начала, первые причины и элементы [6, с. 64].

Древнегреческие философы выявили и исследовали ряд существенных аспектов проблемы знания, многие из которых исследуются и сегодня, и которые не имеют однозначного решения и обогащают свое содержание в новых представлениях о них. В Новое время Декарт решает задачу найти метод получения знания, «установить себе правила, с помощью которых мы могли бы подняться на вершины человеческих знаний» - обрести истину. Дж. Локк, исследуя человеческое понимание-разумение, непосредственную данность в опыте элементов знания, рассматривает проблематику знания в контексте дискуссии о врожденных идеях, о различных действиях «ума», о простых и сложных, отчетливых и неотчетливых, реальных и фантастических, истинных и ложных идеях. Утверждая, что все наше знание из ощущений, он выявляет существенные различия между рациональным и чувственным знанием, предметом и содержанием, познавательными процессами и их результатами - абстракциями и общими понятиями. Продолжая античную традицию, Локк исследует соотношение знания и мнения, однако последнее он определяет, уже привлекая понятие вероятности, например: «когда человек склоняется к какому-то положению как вероятному, это называется мнением, или убеждением». Особым предметом исследования становится сама познавательная деятельность субъекта, которая понимается скорее психологически, как созерцание индивидом своих психических процессов «внутренним оком» [Там же].

Осознание того, что наряду с миром явлений, находящихся во всеобщих формах чувственности - пространстве и времени, существует мир «вещей в себе» (И. Кант), под воздействием которых возникают чувственно воспринимаемые явления, возникает проблема познаваемости реального мира. Такие сложности предполагают новый подход к фундаментальному исследованию природы знания и разума. Занимаясь в свое время данной проблемой, Кант озвучивает идею о способах образования знания: в ходе опыта и вне опыта. Тем самым обозначая новую проблему априорного знания, полученного вне и до опыта (*a priori* - до опыта): осознание мысли о том, что, «находясь за пределами опыта, можно быть уверенным в том, что не будешь опровергнут опытом». Это знание, которое носит всеобщий и необходимый характер, например, такое: все, что происходит, имеет свою причину, и добывается оно не посредством эмпирического обобщения, но «расчленением понятий, которые у нас уже имеются о предметах».

Это знание не расширяет по содержанию существующие понятия, но ценится наравне с новыми знаниями, поскольку, разъясняя или истолковывая то, что уже мыслилось в понятиях, расширяет сферу отчетливого мышления, углубляет его. Априорное знание, имеющее всеобщий и необходимый характер, включает такие положения науки и философии, как законы, принципы, аксиомы и постулаты [Там же, с. 65]. Вводя понятия аналитическое и синтетическое суждения, он сразу же проводит соотнесение последних и априорного/апостериорного знаний. В результате чего уточняется система знаний о теоретических науках: все они, в том числе и математика, и естествознание, и метафизика строятся на априорных синтетических суждениях как принципах [4, с. 39-41].

Одной из проблем в теории познания становится истина, познаваемая в знании. Среди тех, кто занимался разрешением этой проблемы, был и Гегель, изучавший категорию знания в соотношении с сознанием. Для Гегеля знание и истина принадлежат природе самого сознания, предстают необходимыми его составляющими. Решение задачи: соответствует ли для сознания знание объекту и соответствует ли объект тому, что знает сознание, ученый видит в последовательном «формообразовании самого сознания» - формообразовании его до уровня науки [6, с. 67]. В этом ключе рассуждал и А. П. Никифоров, определяя знание, как осознаваемую истину. Знание для него представлялось, как результат процесса познания, обычно выраженный в языке или какой-либо знаковой форме и допускающий истинную оценку [9, с. 72].

Решая проблему веры в знании, Поппер идет дальше Гегеля: помимо знания как состояния сознания, он выделяет знание как объективное содержание мышления: единицы знания, а также дискуссии, критические споры и т.д. Такой инновационный взгляд позволил пересмотреть утверждение о том, что знание возможно только благодаря познавательной деятельности субъекта (традиционная гносеология). Более того он говорит о том, что знание в субъективном смысле не имеет к науке никакого отношения; в отличие от традиционной гносеологии эпистемология как учение о научном познании должна заниматься только объективным знанием. Таким образом, Поппер решает задачу знание - вера (о зависимости знания от чьей-либо веры): знание в объективном смысле не зависит от чьей-либо веры или стремления соглашаться, утверждать, действовать [6, с. 68]. Однако, по утверждениям Л. А. Микешиной, вопрос обоснования знания как «состояния сознания» и его тесной связи с верой не стоит прекращать, более того необходимо выяснять конструктивную роль веры в познании. Исследованиями в данной области занимались Л. Витгенштейн, Дж. Локк, И. А. Ильин.

С уточнением понимания природы социальности проявляется интерес к теме взаимодействия (взаимоотношения) социальных и культурно-исторических факторов на содержание знания. Обращение к социальной и культурно-исторической природе познания с необходимостью выводит на более глубокие уровни анализа и понимания природы и структуры научного знания, когнитивные идеи, логические формы и ценностные предпосылки которого оказываются укорененными в культуре общества. Выясняется, что многие фундаментальные элементы знания и познавательной деятельности органически соединяют в себе когнитивные и ценностные начала, разятие которых разрушает и само знание [Там же, с. 173].

О процессе воздействия социально-генерируемых факторов на систему знаний ведет разговор в своей работе «Рациональность, наука, культура» и В. Н. Порус. Он рассматривает данную концепцию в контексте адаптации стандартов рациональности к изменяющемуся научному знанию и наоборот.

Выход на социальность, как на совместный либо как всеобщий труд, выражающуюся, в частности, в коммуникативности и общении, позволяет увидеть новые направления в теории познания, «выявляются более тонкие структуры и качественно иные взаимосвязи когнитивного и ценностного. Речь идет уже не просто о детерминации, но о двуединой - логической и социокультурной природе познавательных форм и сложных опосредованных способах ее проявления, что требует нового видения самого научного познания».

Разные подходы к рассмотрению предмета научного знания и его представления формируют и разные суждения о его элементах и структуре как целостной системы, формируют все новые видения данной проблемы. Например, рассмотрение научного знания как системы логически взаимосвязанных предложений вскрыло ряд точек преткновения при анализе строения на уровне предложений. Решение данной проблемы было увидено в переходе с логического на функциональный уровень рассмотрения строения научного знания [Там же, с. 235]. Инновационным подходом в свое время стало и введение понятия предпосылочного знания, как совокупности философско-мировоззренческих, общенаучных методологических элементов и соответствующего концептуального аппарата. Это позволило изучать природу внеэмпирических и внелогических факторов, определяющих, в свою очередь, выбор фактов, проблем, методов, гипотез, теорий и других форм знания, влияние на содержание и структуру научного знания вненаучных форм духовной культуры и т.д. Вопросы такого характера рассматривала в своей работе «Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования» Л. А. Микешина.

В связи с формированием постнеклассической парадигмы научности во второй половине 20 в., назревают новые задачи, решение которых может пролить свет на очередные трансформации в научном знании. Учеными вводится понятие эволюционно-синергетической парадигмы, которая становится ядром постнеклассической науки. Объектом последней являются сложные саморазвивающиеся системы, включающими в себя и человека, а также новое междисциплинарное знание (синергетика), предметом которого выступает явление самоорганизации. О спорах по поводу статуса знания под названием синергетика можно ознакомиться в статье И. В. Черниковой «Трансформация концепта «знание» в постнеклассической науке», а также работах В. И. Аршинова, Г. Хакена и др.

В настоящее время происходит уточнение ценности знания, размышление о становлении интеллекта, способном рассматривать контекст и планетарную сложность (Э. Морен), анализ особенностей знания, изучение преобразования коммуникативной составляющей нового знания (И. Пригожин, Г. Хакен), изучение взаимодействия веры как традиции, как коммуникативной среды и знания как теории [9, с. 73]. На смену теории знания, как ментального представления, приходит теория социального конструктивизма. В ходе становления постнеклассической науки наблюдается субъективизация знания, результатом которой, как отмечает Л. А. Маркова, становится то, что основой научного знания как логической структуры является не природа, а история, ситуация, контекст. Но от этого ситуация в теории познания не становится более прозрачной. Возникают и озвучиваются новые проблемы: каким образом ввести в эпистемологию исторические, темпоральные, социокультурные параметры, как переосмыслить категорию истины и объективность научного знания в связи с трактовкой познания как интерпретативной деятельности, с внедрением конструктивистских идей, не ведет ли субъективизация знания к нарушению равновесия в диалектике субъективного и объективного в научном знании и др. Для решения поставленных задач современной философии науки необходимы не просто альтернативные представления, а инновационные теории и способы обращения как со срезам внешнего мира, потенциальными моделями, реальными системами, так и смыслами (ментальными сущностями, идеальными конструктами) [Там же, с. 74].

Подводя итоги, можно сказать, что категория «знание» как понятие является предельно общим, поэтому трудно дать исчерпывающее его определение, любая дефиниция сама есть фрагмент знания. Со времен античной философии решались вопросы: что есть знание, как получается и передается знание и др. Каждая эпоха, проявляя инновационный дух, давала на них свой ответ. «Знание» уточняется, трансформируется, соотносится, противопоставляется в соответствии с мировоззренческими предпосылками, социальными культурно-историческими факторами, которые в свою очередь, по словам Л. А. Микешиной, обретают внутринаучный характер и входят в содержание знания как регулирующие принципы, идеалы и нормы [6, с. 144].

Список литературы

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.
2. Гайденок П. П. История греческой философии в ее связи с наукой: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 319 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Система наук. СПб., 1992. Ч. 1. Феноменология духа.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
5. Маркова Л. А. Самодостаточность вместо объективности // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004. С. 224-235.
6. Микешина Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
7. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002.
8. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. М., 2003.
9. Черникова И. В. Трансформация концепта «знание» в постнеклассической науке // Философия науки. М., 2006. С. 70-75.

УДК 929

Олеся Павловна Окопная

Ростовский государственный медицинский университет

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА[©]

Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически.

А. П. Чехов

Донская земля дала миру плеяду замечательных людей. Один из них писатель Антон Павлович Чехов.

Наш великий земляк уже давно стал неотъемлемой частью общемировой культуры, символом словесности. Антон Павлович стремился, «чтобы в человеке все было прекрасно...». Эта работа человека над собой как во времена писателя была нелегкой, так и в наши дни. Ведь чувство прекрасного, к которому стремился писатель, сегодня перенесло большие изменения. Скромность, элегантность, воспитанность уступили место бесцеремонности, бесстыдству и хамству, а с телеэкрана хлещет псевдокультура, наполненная пошлостью, с которой так яростно боролся писатель. Это заставляет нас снова и снова обращаться к скромной, но великой жизни и творчеству знаменитого писателя, который в своих произведениях высмеивал пороки человечества.

Писателю суждено было жить в удивительное время - время либеральных реформ Александра II, контрреформ Александра III, и сложное противоречивое начало правления Николая II.